

Научная статья

УДК 37

DOI: 10.20323/1813-145X-2024-2-137-71

EDN: PRDYRR

Педагогические взгляды и образовательная активность Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинского в ракурсе постепенства

Элла Григорьевна Задорожнюк¹, Юлия Владиславовна Калинина²

¹Доктор исторических наук, заведующая отделом, Институт славяноведения РАН, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

²Главный специалист Управления образовательной деятельности, Центральный НИИ стоматологии и челюстно-лицевой хирургии, 119021, г. Москва, ул. Тимура Фрунзе, д.16.

¹elzador46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2328-810X>

²kalinina-cniis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7028-4991>

Аннотация. Одна из наиболее ярких вспышек отечественной педагогической мысли приходится на конец 1850-х – начало 1860-х гг. в России и связана с деятельностью Н. И. Пирогова, Л. Н. Толстого и К. Д. Ушинского. Они исходили из убеждения, что для развития России нужны неотвратимые, но постепенные перемены в сфере образования на всех его уровнях. Отмечается, что контуры постепенства вырисовывались в переписке И. С. Тургенева и А. И. Герцена, которая оказалась одним из идейных источников многих течений политической мысли после реформ 1860-х гг, в том числе реформ в сфере образования. Их взгляды в этом ракурсе соотносились с установкой на постепенство, присущей русским писателям и общественным деятелям. В статье дается общее определение понятия постепенство. Рассматриваются совпадения и расхождения педагогических взглядов на постепенство, а также взаимного их оценивания; на основе полных собраний сочинений и писем приведены упоминания об Ушинском и Пирогове. Обосновывается положение, в соответствии с которым постепенство явилось платформой, предохранявшей отечественное образование на всех уровнях от воздействия носителей революционаризма и охранительства. Отмечена роль психологической составляющей взглядов Пирогова и Ушинского, анализируется роль врача-педагога. Утверждается, что идеи и Пирогова, и Ушинского были востребованы для решения задач в системе образования в постреволюционной России и в СССР. Так, по инициативе Академии педагогических наук РСФСР в нелегкое для страны послевоенные времена вышли собрания педагогических сочинений обоих соответственно в 1952 г. и 1948–1952 гг.

Ключевые слова: педагогические поиски; постепенство; система образования; русские писатели; врач-педагог; образовательные реформы; воспитание; психологические взгляды

Для цитирования: Задорожнюк Э. Г., Калинина Ю. В. Педагогические взгляды и образовательная активность Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинского в ракурсе постепенства. 2024. № 2 (137). С. 71–81. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-2-137-71>. <https://elibrary.ru/PRDYRR>

Original article

N. I. Pirogov and K. D. Ushinsky's pedagogical views and educational activity in aspect of gradualism

Ella G. Zadorozhnyuk¹, Yulia V. Kalinina²

¹Doctor of historical sciences, manager at department, Institute of slavic studies the Russian academy of sciences. 119334, Moscow, Leninsky avenue, 32-A

²Chief specialist at Management of educational activity, Central scientific research institute of stomatology and maxillofacial surgery. 119021, Moscow, Timur Frunze st., 16.

¹elzador46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2328-810X>

²kalinina-cniis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7028-4991>

Abstract. One of the brightest flashes of a domestic pedagogical thought is presented at the end of the 1850-s – the beginning of the 1860-s in Russia and is connected with N. I. Pirogov, L. N. Tolstoy and K. D. Ushinsky's activity. They recognized belief that for development of Russia inevitable, but gradual changes in education at all its levels are

necessary. It is noted that the contours of gradualism loomed in the correspondence of I. S. Turgenev and A. I. Herzen, which turned out to be one of the ideological sources of many movements of political thought after the reforms in the 1860s, including reforms in the field of education. Their views in this perspective correlated with the attitude towards gradualism inherent in Russian writers and public figures. The article gives a general definition of the concept of gradualism, open descriptions by writers and latent – pedagogues. The coincidences and divergences of pedagogical views on gradualism, as well as their mutual assessment, are considered; on the basis of complete works and letters, references to Ushinsky and Pirogov are given. The situation is justified, according to which gradualism was a platform that protected domestic education at all levels from the influence of carriers of revolutionarism and security. The role of the psychological component of the views of Pirogov and Ushinsky was noted, the role of the doctor-teacher in their report is analyzed. It is argued that the ideas of both Pirogov and Ushinsky were in demand to solve problems in the education system in post-revolutionary Russia and in the USSR. So, at the initiative of the Academy of Pedagogical Sciences, RSFSR, in the difficult post-war times for the country, collections of pedagogical works of them were published, respectively, in 1952 and 1948–1952.

Key words: pedagogical searches; gradualism; education system; russian writers; educational doctor; educational reforms; parenting; psychological views

For citation: Zadorozhnyuk E. G., Kalinina Yu. V. N. I. Pirogov and K. D. Ushinsky's pedagogical views and educational activity in aspect of gradualism. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (2): 71-81. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-2-137-71>. <https://elibrary.ru/PRDYRR>

Введение

История педагогики существует на фоне истории общества в целом, соответственно анализ выработки новых идей и инициатив в ее рамках невозможен без изучения широких социально-политических контекстов их возникновения. Это положение можно конкретизировать на примере педагогических идей и образовательной деятельности Николая Ивановича Пирогова, Константина Дмитриевича Ушинского и Льва Николаевича Толстого. Идеиной платформой взглядов двух из них и, в меньшей мере, – Толстого, было постепенство, которое достаточно четко идентифицировалось в общественном сознании и политической мысли того времени. Установка на постепенство оформлялась практически одновременно с началом их деятельности в сфере образования; наиболее полно она выражалась в художественной литературе – своеобразной трибуне общественных ожиданий, получавших широкий резонанс среди мыслящих людей России. Это, в первую очередь, касается творений И. С. Тургенева и Н. С. Лескова, а на некоторой дистанции – Толстого.

В статье утверждается, что как раз установка на постепенство способствовала сохранению преемственности системы отечественного образования через стабильность основополагающих ее элементов, которые испытывали деструктивные воздействия со стороны то революционаризма, то охранительства. Уроки противостояния этим воздействиям со стороны указанных великих отечественных педагогов и освещающих их деятельность писателей-классиков значимы и сегодня.

В целом, если взять в этом ракурсе некую модель: революционаристы – постепенцы-охранители, то именно вторые, или по меткому слову Пирогова – «серединники», делали в сфере образования наиболее продуктивную работу, причем в полном объеме. У подрастающих поколений ее результаты проявлялись не сразу, при этом одни из них отбраковывались быстрее и полнее, а другие обрастали новыми смыслами.

Результаты исследования

Становление постепенства

Рассмотрение идей и убеждений Пирогова и Ушинского указывает на непростую судьбу манифестации установки на постепенство в отечественной педагогике. Тогдашние охранители, или как их именовали в те времена – «реакции» (реакционеры), обвиняли этих подвижников в деле образования в возбуждении разрушительных тенденций и приложили немало усилий, чтобы удалить их. Со своей стороны, революционаристы, или как их звали – «нетерпеливцы», упрекали, в первую очередь Пирогова, за ложно приписываемую его взглядам склонность к консерватизму. Надо учитывать также, что идеи постепенства отражались на всех сторонах жизни России, задавая темпы и промышленному развитию, и научным исследованиям, и социальным преобразованиям.

Итак, конец 1850-х–начало 1860-х гг. стало временем осознания неизбежности образовательных реформ в России. Пирогов, Ушинский и с некоторыми оговорками – Толстой стали как раз на позиции постепенства в их осуществлении. Конечно, их оппоненты тоже вовлекались в

полемику по вопросам образования, и мысли как «нетерпеливца» А. Н. Добролюбова, так и становившегося лидером консерваторов М. Н. Каткова были отнюдь не тривиальны. Но именно платформа постепенства оказалась в большей мере востребованной в качестве социально-политической детерминанты реформ в сфере образования. Упомянутые «сражения» разворачивались при таких министрах просвещения, как Е. П. Ковалевский (1858–1861), А. В. Головин (1861–1866) и Д. А. Толстой (1866–1880), занимавший также пост обер-прокурора Синода русской православной церкви. Инициатором реформ был первый, их поборником считался второй из них, хотя на его пребывание министром пришлось как «почетная» высылка за границу Пирогова и Ушинского, так и сворачивание яснополянской школы Л. Н. Толстого. Что касается его однофамильца, то он стал одним из вдохновителей контрреформ в сфере образования.

Слова «постепенство» и «постепеновец», до сих пор бытующие в русском языке с уточнением «устаревшие», впервые были употреблены революционно-демократическим еженедельником «Искра», который обличал с конца 1850-х гг. в «постепеновщине» умеренную газету «Северная пчела». Эти слова были зафиксированы словарем Даля, в дальнейшем их употребление устоялось. Так, продуктивность позиций постепенства признавали – в последующие времена – два гения отечественной науки: Д. И. Менделеев и В. И. Вернадский (а в более ранние времена его отец – экономист И. В. Вернадский и его супруга – видный деятель женского образования, сотрудничающая с Пироговым). Примечательно в этом плане суждение 1905 г. Менделеева: «Нашему брату постепеновцу молчание всех привычно, а теперь оно хоть и не в моде, да кстати и отвечает несомненному русскому большинству, в котором остаться желаю» [Менделеев, 1995, с. 406].

С 1917 г. данное слово постепенно исчезает из политического лексикона, но все же осталось открытым для наполнения новыми смыслами, что сегодня находит отражение в энциклопедии по русской философии и ряде работ по истории общественной мысли. Оно характеризует «умонастроение в русской общественной мысли, ориентированное на постепенность в осуществлении экономических реформ и социальных преобразований в обществе» [Русская..., 2022, с. 593–594].

Писатели о постепенстве

Получилось так, что наиболее яркое отражение идеи постепенства получили в художествен-

ной литературе – и только затем вошли в публицистику и книги по политическим учениям. История их появления мерцает в переписке Тургенева с А. И. Герценом, а затем романах первого; в публицистической активности и прозе Лескова [Задорожнюк, 2022]; наконец, они хотя и вскользь упоминаются Толстым. Дадим краткое их изложение с учетом того, что художественное творчество великих русских писателей было своеобразной школой манифестации новых идей и учебной кафедрой для многих отечественных работников образования.

Взгляды Тургенева в русле постепенства просматриваются в его переписке с Герценом в 1849–1861 гг. Можно утверждать, что они повлияли на поиски политических идей и в более поздние времена. Прямые их характеристики даны Тургеневым уже после 1861 г. в романе «Новь». Один из его героев, постепеновец Соломин, придерживается средней линии в своих действиях, являясь, по словам Пирогова, «срединником», призывающим к взвешенному осуществлению самых важных идей: «Выжидать и ничего не делать – и выжидать, да подвигать дело вперед. / Нам не нужно постепеновцев, – сумрачно проговорил Маркелов. / Постепеновцы до сих пор шли сверху, – заметил Соломин, – а мы попробуем снизу» [Тургенев, 1982, с. 254].

Этот практик, сын дьячка, ставший механиком и заводивший школы отнюдь не церковно-приходские, на заключительных страницах назван не героем, даже не «героем труда» (слово Тургенева, пришедшее в СССР) по образцу американца или англичанина. «Умен – как день, и здоров – как рыба ... Как же не чудно! Ведь у нас до сих пор на Руси как было: коли ты живой человек, с чувством, с сознанием – так непременно ты больной!... Помилуйте: человек с идеалом – и без фразы; образованный – и из народа; простой – и себе на уме... Какого вам еще надо?» [Тургенев, 1982, с. 387–388]. Словом, он представляет ту силу, которая постепенно сломит силу угнетения.

В конце 1850-х гг. Лесков в качестве публициста писал, что «в литературе последовал великий раскол: из одного лагеря, с одним общим направлением к добру, – образовались две партии: «постепеновцев» и «нетерпеливцев»... Я тогда остался с постепеновцами, умеренность которых мне казалась более надежной. За это я был порицаем много» [Лесков, 1958, с. 74]. Как художник он же (под псевдонимом Стебницкий) изобразил крайне смутно контуры портрета по-

степеновца в романе «Некуда»; его герой врач Розанов (литературоведы трактуют его как «второе я» самого Лескова) постоянно интересовался трудами Пирогова. Уважительно упоминался Пирогов и в одном из последних художественных произведений Лескова – рассказе «Загон» (1893). В целом же великие русские писатели были склонны скорее оправдывать революционаристов и либералов, осуждать консерваторов и реакционеров – оставляя в некоем слепом пятне постепенцев.

В самом конце XIX в. Л. Н. Толстой дал свое видение постепенства: «Никто не спорит, что дурно. Лекарство одних: 1) фатализм религиозный, 2) других: наилучшее устройство, постепенство, 3) социализм, 4) революция. Не верьте – только внутреннее религиозное. Как лечат дыры» [Толстой, 1953, с. 327]. Эта запись из его Записных книжек не дает прямых оценок «лекарствам», но его подвижническая общественная деятельность, включая позднюю педагогическую активность, свидетельствует о наибольшей степени приемлемости им как раз постепенства.

Ушинский о Пирогове: общность убеждений

Именно в ходе формирования установок Ушинского появилась его известная статья «О народности в общественном воспитании», вышедшая в 1856 г., содержащая и даже усиливающая их. Вот слова из заключительных 6-го и 7-го тезисов: «Общественное воспитание только тогда оказывается действительным. Когда его вопросы становятся общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого... Где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания» [Ушинский, 1948, с. 165–166]. Анализируя взгляды Ушинского, современный исследователь Б. К. Тебиев считает, что они не только консолидировали прогрессивные слои общества и готовили образовательные реформы 1860-х гг., но и формировали общественно-педагогическое движение в русле постепенства. Одна из структур этого движения – Петербургское педагогическое общество – по инициативе таких его членов, как К. И. Арабажин, К. Ф. Неслуховский, М. Н. Стоюнин и А. М. Роговин – создала Комиссию по увековечению памяти К. Д. Ушинского с целью организации уроков о нем, выпуска книг и создания воскресной школы его имени [Тебиев, 1996, с. 68].

Все же наиболее убедительная идентификация Ушинского и Пирогова как педагогов и деятелей образования, придерживающихся социально-политической установки на постепенство, просматривается в работе первого «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова»; она вышла шесть лет спустя после статьи о народности. По жанру ее можно было бы считать рецензией, но фактически это одно из ключевых сочинений в педагогическом наследии Ушинского.

Пирогов ни разу не упоминал в научных трудах, мемуарах и письмах имени Ушинского, в собрании его сочинений имя Ушинского тоже упоминается крайне редко – даже несмотря на то, что в «Журнале для воспитания» статья Ушинского «О пользе педагогической литературы» появилась сразу после статьи Пирогова «Вопросы жизни» [Ушинский, 1948, с. 7]. В пятом томе говорится о том, что идеи Пирогова приводятся в методологических материалах к «Детскому миру» [Ушинский, 1949, с. 426]. Ниже будут упомянуты взгляды на него, выраженные в письмах Ушинского.

Фактически в статье рассматривались собрания трудов Пирогова 1858 и 1861 годов за время его работы в качестве попечителя Одесского и Киевского учебных округов. Первый открывался статьей, ставшей всероссийски знаменитой, второй – не менее знаменитой «Быть и казаться» (в чем-то перекликающейся со всеевропейски известной работой психолога и педагога Э. Фромма «Иметь и быть», вышедшей почти столетие спустя).

Афоризмы Ушинского относительно того, что уже первые слова Пирогова о воспитании «пробудили спавшую у нас до тех пор педагогическую мысль» [Ушинский, 1948а, с. 11] и что его труды «возникли из одного богатого и паразитически деятельного духа» [Ушинский, 1948а, с. 12], известны всем. Без того, чтобы на них не отреагировать, не обошлось ни одно издание: статью «Вопросы жизни» «не заметить было невозможно; вооружиться на нее трудно» [Ушинский, 1948а, с. 14]. Оставалось, по логике Ушинского, – хвалить, тем более, что ее автор стал всемирно известным врачом в самых различных областях и продуктивным организатором Одесского учебного округа – прифронтового в ходе Крымской войны...

Важнее другое: статья детерминировалась желанием объяснить неудовлетворенные стремления общества, лишаящие внутреннего спокойствия россиян, побуждающие их перевоспитать

себя и «проложить новые пути» [Ушинский, 1948а, с. 16]. На этот призыв характеризующегося честностью врача, который «наблюдал человека в те минуты, когда спадает с него всякая маска, который видел, как страдают и умирают люди» [Ушинский, 1948а, с. 17], Ушинский откликается с не меньшей честностью, и оба они обращаются к установкам на постепенство, побуждающим к самовоспитанию, охватывающему всех людей и длящемуся всю жизнь.

Задача Ушинского в этом ракурсе – объяснить философско-педагогический постулат Пирогова, в соответствии с которым «воспитание требует от нас определенного направления, определенной цели, определенного убеждения» [Ушинский, 1948а, с. 27]. Для этого нужно осознание недостатков существующей образовательной системы, включая ее зависимость от западных моделей, при этом «одним отрицанием, к которому так склонно наше время ничего здесь не сделаешь» [Ушинский, 1948а, с. 33]. Есть основание считать, что этим и детерминируется установка на постепенство в данной жизнеобеспечивающей сфере общественной жизни, заложенная в педагогических сочинениях Пирогова и Ушинского и продолженная их последователями.

В дальнейшем намечено и некоторое расхождение в их взглядах: Пирогов ратует за классическое образование с опорой на древние языки, Ушинский ставит акцент на реальное соединение науки и жизни в ходе обучения для решения современных задач. Более того, он полемически утверждает: «... не изучение древних языков, а изучение родного языка мы поставили бы во главу гуманного образования» [Ушинский, 1948а, с. 46]. Загадку данного противостояния, по всей видимости, воспроизведенного и в ходе их личного общения, разгадать нелегко. Правда – за Ушинским, который видел в изучении древних языков скорее препятствие к получению образования университетского; все же он допускает изучение латыни медиками и юристами.

Так или иначе это признал и сам Пирогов в своем труде более позднего времени «Из дневников старого врача» (1878–1881). Не адресуясь напрямую к трудам Ушинского, он фактически повторил его тезис о приоритетах изучения родного языка: «Как только ребенок начинает лепетать, родное слово вступает в неразрывную связь с племенной мыслью. Возможно ли чужому слову нарушать это право родного языка без вреда для процесса мышления и не нарушая его нормального развития?» [Пирогов, 1985, с. 465].

Моменты признания ряда тезисов Ушинского просматриваются и в других трудах Пирогова, которые привлекали внимание всех мыслящих людей России и не потеряли своей актуальности до нашего времени.

Практическая же деятельность Пирогова на постах попечителя Одесского, а затем Киевского учебных округов свидетельствует, что он практически осуществлял провозглашенные своим оппонентом диалектические принципы: «В низших и средних заведениях главную цель учебной деятельности должен составлять сам человек, в университетах – наука; хотя при первом стремлении мы все же будем изучать науку, а при втором все же будем гуманизироваться изучением науки» – пересказывает Ушинский убеждение Пирогова [Ушинский, 1948а, с. 48]. При этом оба сходятся в том, что наука должна дополняться религией, а знание – верой – тезисы, с трудом признаваемые советскими педагогами, а постсоветскими всего только декларируемые без доказательной базы.

Описание линии на реформы университетов – яркая и убедительная часть работы Ушинского, реабилитирующая деятельность Пирогова как организатора высшего образования: «Не университеты виноваты, если общество до последнего времени не умело пользоваться их плодами» [Ушинский, 1948а, с. 56]. Ушинским приводится обширная цитата из Пирогова, где говорится о том, что членами университетских советов могут быть «и прогрессисты, и консерваторы, и срединники, и защитники личных интересов» [Ушинский, 1948а, с. 63] – при этом предпочтение отдается именно «срединникам». На это слово нужно обратить особое внимание: оно употребляется Пироговым нечасто, но маркирует близость его позиций с постепеновцами. Ушинский в полной мере солидаризируется с инициативами Пирогова, преследуя единую цель: «...следует поставить профессора в такое положение, чтобы он мог заботиться только о науке и пользе своих слушателей» [Ушинский, 1948а, с. 66]. Продолжая его мысли, он конкретизирует требования к профессуре различных факультетов, включая медицинские.

По слову Ушинского, спасительная деятельность Пирогова в области педагогики высшей школы не заменима ничем. «Самый гениальный устав не сделает того, что может сделать один такой человек, потому что в образовании духа важна не форма, а самый дух... другой такой жизни, какова жизнь Н. И. Пирогова, мы не зна-

ем в России, да и у других народов таких жизней не много» [Ушинский, 1948а, с. 85]. Уникальность личности Пирогова, согласно Ушинскому, вызвана требованиями времени – вопреки нападкам журналистов и притеснениям власти, он внес неоценимый вклад в развитие отечественной педагогики и сферы образования. «Народ, из среды которого выходят такие личности, какова личность Н. И. Пирогова, может с уверенностью глядеть на свою будущность» [Ушинский, 1948а, с. 86], – завершает свою статью Ушинский и выражает недоумение перед возможной ситуацией их недовостребования, которое стало общим для судеб обоих в России – один оказался в Германии, другой в Швейцарии.

Очный диалог о педагогике и медицине как искусстве

Статья о книгах Пирогова – важнейшее свидетельство их заочного общения (Ушинский получал от него книги и материалы). Но было и специально оговоренное очное общение по приезду Ушинского в Гейдельберг, именно здесь происходили весьма перспективные для педагогических и медицинских наук их беседы – они описаны в архивных материалах, в частности, в письмах Ушинского к коллеге Л. Н. Модзалевскому (1837–1896) и священнику И. С. Белюстину (1819–1890). Оба сходились во мнении, что дела в сфере образования в России шли неправильно и особо критиковали позицию М. Н. Каткова. Ушинский консультировал жену Пирогова относительно образования ее детей, а когда жалуется на то, что заболел, то упоминает, что его «в постель уложил медик», таковым можно считать как раз Пирогова [Архив, 1959, с. 179].

Судя по письмам к Модзалевскому, Пирогов и Ушинский активно обсуждали проблемы подготовки профессуры для российских университетов в европейских образовательных центрах [Ушинский, 1952, с. 180], рассматривали готовящиеся к изданию научные труды, в частности, немецкоязычную монографию Пирогова по анатомии [Ушинский, 1952, с. 185], сообщалось о том, что хирург лечил Дж. Гарибальди, не боясь того, что царь «надуется» [Ушинский, 1952, с. 438].

Еще до очной встречи в письме к Белюстину от 20 ноября 1860 г., отвечая на критику книги Пирогова и отрицательные рецензии на нее консервативной газеты «Русский мир», Ушинский отмечал: «Досталось нам обоим! Спасибо, что поставили рядом, я сознаюсь откровенно: этой чести не заслужил». В письме непосредственно

перед встречей от 14 сентября 1862 г. горестно констатировалось: «В нем много для меня сочувственного. Неужели мы оба не нужные для России педагога?» Наконец, письмо от 3 мая 1863 г. из Гейдельберга о характере Пирогова: «Он не из тех людей, которых можно было бы раскусить в три свидания», при этом отмечается, что «его силы вянут бесплодно в тяжелое время, когда у нас так мало деятелей дельных» [Архив, 1959, с. 68, 77, 84]. То же самое Пирогов мог сказать и об Ушинском, а, может, и говорил.

В комментариях к письмам отмечается, что между Пироговым и Ушинским существовали разногласия не только по проблеме классических языков. Так, Пирогов ратовал за то, чтобы из числа выпускников Гатчинского сиротского института готовились студенты университета, в том числе медики, Ушинский же склонялся к тому, чтобы им прививались практические знания, по той же медицине – чтобы успешнее решать проблемы их трудоустройства [Ушинский, 1952, с. 630–631]. До публичных дискуссий между ними по этой и другим проблемам дело не доходило, чему способствовала и некая похожесть их жизненного пути: оба на пике своей активности в образовательной сфере попали под подозрение и были отосланы, а после возвращения Пирогов уединился в своем имении в Подолии, Ушинский же начал работу по подготовке комплекса пособий по обучению русскому языку.

Вспоминалось также мнение Пирогова о том, что и медицина, и педагогика относятся к ведомствам скорее искусства, чем науки по следующему соображению Пирогова: «Наука только изучает существующее или существовавшее, а искусство творит то, чего еще нет» [Пирогов, 1985, с. 461]. Он никогда не забывал, что врачеватель в высоком смысле этого слова переносит свои умения на исцеление душевной сферы и обеспечение социального благополучия через оздоровление условий жизни народа; это постоянно подчеркивалось и Ушинским. Вот почему практически ни одно изложение взглядов Ушинского о деятельности Пирогова не обходится без следующей цитаты: в великом враче «общество привыкло видеть только великого целителя телесных язв, и не подозревая, что он еще более думает о духовных язвах человека» [Ушинский, 1948а, с. 13].

Как же изобразители, а в чем-то создатели, концепта «постепенство» в литературе соотносились с носителями его установок в педагогике и общественной жизни – Ушинским и Пироговым?

Великие писатели и педагоги: взаимность рецепции

Следы восприятия этих фигур русскими писателями обнаруживаются с трудом, но они предельно интересны. Тургенев признавал значимость педагогических творений Ушинского и побуждал приобретать подготовленные им учебники при организации школы в его имени Спасское-Лутовиново [Тургенев, Письма, 1999, с. 182, 490]. Правда, сам Ушинский утверждал, что языки Тургенева, Писемского и даже Гоголя слишком народны для простого народа» [Ушинский, 1948, с. 242]; он же отмечал, что «красоты Тургенева и Аксакова в описании природы не проникают до сущности» [Ушинский, 1949, с. 33]. Оценки в чем-то пристрастные, однако, отрывки из Тургенева в его пособия включались.

Что касается Пирогова, то Тургенев одобрительно отзывался в письмах о его педагогической деятельности, а также об его организационных усилиях по созданию воскресных школ в 1857 и о женском образовании в 1875 г. [Тургенев, Письма, 1999].

Толстой об Ушинском писал – но как-то вскользь, как об одном из непризнанных его педагогикой авторитете в 1860-е гг. [Толстой, 1936, с. 266, 274, 283–285, 287; 1936а, с. 92, 97, 115]. Он был оценен позже – в 1876 г., когда в письме к Н. Н. Страхову (от 5 мая) попросил прислать труды своего коллеги по педагогической антропологии и организации школьного дела [Толстой, 1953а, с. 276].

Вместе с тем трудно объяснить отсутствие упоминания имени Пирогова во всех 90 томах его собрания сочинений – а ведь они были в Севастополе почти рядом, и не знать о подвижничестве великого врача и человека Толстой не мог; были и общие знакомые. Пирогов не только наладил систему форсированной подготовки первых в мире сестер милосердия в годы Крымской войны, но и закреплял первенство именно своих соотечественниц, а не англичанки Ф. Нейтингейл. «Мы имеем долг истребовать ... пальму первенства в деле столь благословенном, благотворном и ныне всеми принятом. И это тем легче, что сестры общины не только принесли техническую помощь, но они оказали и нравственное влияние на дирекцию всего госпитального корпуса во время войны» [Пирогов, 2023, с. 163]. Практически те же чувства уважения к медицинским сестрам и их нравственному влиянию выражал и Толстой в своих «Севастопольских рассказах», а также в дневниковых записях и письмах.

Все же Толстой Пирогова знал и о нем постоянно помнил. Личный врач Д. П. Маковицкий в записи от 19 февраля 1906 г. отмечал: «Доктора, ветеринары обращают все внимание на материальные науки: думают, что в остальных отраслях все хорошо. Исключение – Пирогов – говорил Л. Н. – как трудно было выйти ему из этого мира» [Маковицкий, 1979, с. 55]. Запись от 8 мая 1906 г. гласила: «Пирогова части (дневника) читал. Я его знал. В Севастополе он читал лекции по анатомии врачам. Пирогов – умное лицо – секцировал труп и показывал операцию, которую врачам приходилось делать. Пирогов много доброго делал – Л. Н. говорил с симпатией и уважением» [Маковицкий, 1979, с. 134–135]. Примечательно, что Ушинский в одном из писем к юристу и медику А. И. Скребницкому (от 23 сентября 1862 г.) имена Пирогова и Толстого упоминал рядом [Ушинский, 1952, с. 98].

Нужно особо подчеркнуть исключительное внимание к Пирогову со стороны Лескова. В заметке 1862 г. «Н. И. Пирогов» он характеризовал его как «человека, создавшего у каждого из учащихся и учащихся сознательное уважение к законности» [Лесков, 1996а, с. 256] – и данная характеристика, как никакая другая, выявляет особенности постепенства великого хирурга и педагога. О нем же в письме в постепенскую «Северную пчелу» он говорил как о высоконравственном медике, «руководящемся интересами русского общества... честном педагоге и честном человеке» [Лесков, 1996а, с. 256]. То же о честности Пирогова утверждалось и Ушинским, более того, в статье Лескова буквально приводятся его слова: «Пирогов лечил не только телесные раны, он врачевал и нравственные язвы общества» [Лесков, 1996а, с. 256].

Казалось бы, Лесков не меньше должен был бы писать о самом Ушинском, с которым встречался в редакции газеты «Северная пчела» [Лесков, 1996б, с. 695] и даже фотографировался на одном с ним снимке членов редакции [Лесков, 1996а, с. 557]. Но больше о нем (как Толстой о Пирогове) он по неясным причинам не упоминал – загадка, которую можно отгадать, если только тщательно исследовать всю деятельность газеты.

Психологические основы деятельности врача-педагога

Пирогов, во многом адресуясь к идеям Ушинского, решал вопросы организации образования, включая медицинское – с учетом его психологической составляющей. К нему, как к никому другому, приложима высоко значимая социальная

роль понимающего психологию обучающихся. В рассматриваемой Ушинским второй книге Пирогова содержится крошечная заметка под названием «О врачах-педагогах», которая была написана 165 лет тому назад (в 1859 г., как отмечено в последнем издании его педагогических трудов, в сочинениях, выпущенных в 1914 г. она датируется 1860 годом). Повод к ее написанию трудно проясняем, реконструкция ситуации тоже затруднительна, все же само ее название является предметом глубоких и длительных размышлений, однако весьма убедительно звучат суждения о том, что талантливые, проницательные и добросовестные воспитатели так же редки, как и проницательные врачи.

Пирогов до и после ее написания держал в поле зрения фигуру врача-педагога и утверждал его высокий социальный статус. Еще в 1848 г. он пишет в ответ на клевету журналиста Ф. В. Булгарина, нанятого его конкурентами на медицинском поприще: «Можно ли быть истинным врачом и хорошим наставником, не имея убеждения в высоком достоинстве своего искусства? А можно ли требовать от будущего врача, который будучи учеником, видел унижение учителя в глазах света?» [цит. по: Брежнев, 1990, с. 226]. Он не забывал этого убеждения, обучая студентов-медиков более 20 лет, будучи организатором педагогических процессов на всех уровнях в Одесском и Киевском учебных округах, а также являясь наставником по подготовке российской профессуры за рубежом. Внимание к проблемам медицинского образования постоянно отмечали и его ученики – достаточно вспомнить Н. В. Склифосовского или И. И. Мечникова.

Со времен Пирогова фигура врача-педагога не исчезала из поля зрения как практикующих медиков, так и исследователей с позиций педагогической, психологической и других наук; она затрагивается и в знаменитом труде Ушинского о нем. Утверждая, что в ходе постдипломного образования любой специалист должен стать педагогом, он видит главную задачу университета в том, чтобы «держать уровень образования постоянно на одной высоте с уровнем науки» [Ушинский, 1948а, с. 54]; эта задача как раз конкретизируется Пироговым в обучении медицине, который призывал дать больший простор деятельности личности наставника [Ушинский, 1948а, с. 57]. Сам Пирогов и был такой личностью, всегда отрицающим «ученые касты, с их привилегиями» [Ушинский, 1948а, с. 79].

Новые элементы в творческий диалог двух великих педагогов вносит трактовка Ушинского как ведущего отечественного психолога; она позволяет полнее и точнее выявить и точки роста наук о человеке в целом. Это побуждает к переакцентировке многих его научных достижений, что указывается в работах ведущего отечественного специалиста методологии психологических исследований – В. А. Мазилова. Еще в 2014 г. он писал: «У К. Д. Ушинского видим рождение новой психологической парадигмы: это практико-ориентированная концепция, имеющая комплексный, антропологический характер. Это эмпирический подход, основывающийся прежде всего на фактах, но свободный от известной узости позитивизма» [Мазилов, 2014, с. 198]. Окончательно и доказательно введен Ушинский в число основателей отечественной психологической науки в статье, посвященной 200-летию со дня его рождения. В ней отмечается: «Учение Ушинского соединяет разработанную систему психологии, изложенную им в его сочинениях с тем, что система эта работающая, имеющая практическую направленность. Концепция Ушинского, без сомнения, – первый в мировой науке практико-ориентированный проект психологии. Направленность на практику определяет и некоторые методологические положения автора» [Мазилов, 2023, с. 123]. Идеи Ушинского оказали первостепенное внимание на формирование ярославской психологической школы [Мазилов, 2023, с. 28, 434].

Практика психологического обеспечения педагогических инициатив и образовательных новшеств не только Ушинским, но и Пироговым задавала векторы развития знаний о полноценном развитии именно здорового человека. В случае Пирогова это прослеживается на примере такой учреждаемой им отрасли медицинской науки, как челюстно-лицевая хирургия [Витрацк, 1982]. Как раз в ней результаты работы выступают налицо – и часто на лице, а это может создавать немалые трудности самовосприятия перенесшего операцию и вызывать трудно предсказуемые психические реакции его окружения.

Психологическая подоплека проведения и исхода данных операций подразумевалась Пироговым еще в ранней его лекции 1835 г. «О пластических операциях вообще, о ринопластике в особенности» (ринопластика – исправление деформаций носа), прочитанной в Петербургской академии наук аудитории, состоящей не только из медиков; доносилось сложнейшее содержание,

насыщенное психологическими наблюдениями. Приоритетом из приоритетов были для Пирогова челюстно-лицевые операции для детей – здесь роль психологической оставляющей резко возрастает и наблюдения Ушинского относительно психики детского возраста имели первостепенное значение для Пирогова. Он доказывал, что без знаний этого рода эффективность операций может резко снизиться. Это отмечено историками стоматологии, особо подчеркивающими роль Пирогова в развитии в хейлопластики (исправления врожденных и приобретенных деформаций лица и губ) [Пашков, 2016, с. 5, 333].

Заключение

Установки на постепенство в обоснованиях стратегий развития отечественной педагогики проводились в образовательную практику и после оттеснения Пирогова и Ушинского на вторые роли. (Сначала через отправку их в «почетную ссылку» соответственно в Германию и Швейцарию, а затем – через недопущение к принятию решений в данной сфере жизнеобеспечения общества). Модель постепенства укоренилась в идеях и деятельности их почитателей и последователей, в дальнейшем в системе отечественного образования она выдержала, по крайней мере, два мощнейших влияния.

Первое – стремление удалить следы влияния Пирогова и Ушинского со стороны Д. А. Толстого (1823–1889), а затем – К. П. Победоносцева (1827–1907) в ходе контрреформ в сфере образования. Как отмечалось выше, их ученики сдержали деструктивные усилия этих «реактов». Второе связано со сдерживанием натиска революционной педагогики «нетерпеливцев» после 1917 г. Правда, вскоре оказалось, что идеи и Пирогова, и Ушинского востребованы для задач строительства общества в постреволюционной России, особенно при выявлении внешних угроз его развитию. Неслучайно по инициативе Академии педагогических наук РСФСР в нелегкие для страны времена вышли собрания педагогических сочинений обоих соответственно в 1952 и 1948–1952 гг.

Таким образом, конец 1850-х – начало 1860 х гг. в России можно считать временем одной из наиболее ярких вспышек отечественной, а то и мировой педагогической мысли. Она связана с активностью трех русских гениев – хирурга Николая Иванович Пирогова, писателя Льва Николаевича Толстого, а также педагога и психолога Константина Дмитриевича Ушинского. Два пер-

вых активно участвовали в Крымской войне, Ушинский вел свою войну с бюрократическими структурами в деле образования. Все они вынесли убеждение, что для развития России нужны неотвратимые, но постепенные перемены в сфере образования, причем на всех его уровнях: от начальной школы и до подготовки профессуры для реформирующихся университетов. Этого требовало время неотвратимых перемен во всех сферах жизни, что осознавали все мыслящие люди страны.

Библиографический список

1. Архив К. Д. Ушинского. Т. 1. Москва : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. 480 с.
2. Брежнев А. П. Пирогов. Москва : Молодая гвардия, 1990. 560 с.
3. Витришак В. И. Вклад Н. И. Пирогова в развитие челюстно-лицевой хирургии // Военный медик. 1982. Ноябрь. С. 64–65.
4. Задорожнюк И. Е. Постоянство постепенства или пароксизмы революционаризма // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 89–103.
5. Задорожнюк И. Е. Социальные мегатехнологии в освещении русских писателей (К 190-летию со дня рождения и 125-летия со дня смерти Н. С. Лескова) / И. Е. Задорожнюк, Э. Г. Задорожнюк // Социальные технологии, исследования. 2022. № 2. С. 34–41.
6. Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 т. Т. 10. Москва : Художественная литература, 1958. 523 с.
7. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 1. Москва : Терра – книжный клуб, 1996а. 908 с.
8. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 2. Москва : Терра – книжный клуб, 1996б. 800 с.
9. Мазилев В. А. Разработка практической психологии: непонятый и недооцененный проект К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. С. 191–199.
10. Мазилев В. А. Великий психолог: К. Д. Ушинский как методолог психологии // Психологический журнал. 2023. № 2. С. 116–127.
11. Мазилев В. А. Век психологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского / В. А. Мазилев, Ю. Н. Слепко. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. 468 с.
12. Маковицкий Д. П. Яснополянские записки в четырех томах. Т. 2. Москва : Наука, 1979. 362 с.
13. Менделеев Д. И. Заветные мысли. Москва : Мысль, 1995. 416 с.
14. Пашков К. А. Хрестоматия по истории зубо-врачевания и стоматологии / К. А. Пашков, А. В. Белоплатова, К. А. Борисенко. Москва : МГСМУ, 2016. 420 с.
15. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. Москва : Педагогика. 1985. 493 с.
16. Пирогов Н. И. Крымская война. Записки военного хирурга. Москва : Родина, 2023. 336 с.

17. Русская философия. Энциклопедия. Москва : Алгоритм ; Мир философии, 2022. 984 с.
18. Тебиев Б. К. На рубеже веков. Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России. Москва : Интеллект, 1996. 251 с.
19. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. 1928–1958. Т. 8. Москва : Художественная литература, 1936. 698 с.
20. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. 1928–1958. Т. 17. Москва : Художественная литература, 1936а. 1317 с.
21. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. 1928–1958. Т. 53. Москва : Художественная литература, 1953. 991 с.
22. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. 1928–1958. Т. 62. Москва : Художественная литература, 1953а. 554 с.
23. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения в 12 т. Т. 9. Москва : Наука, 1982. 576 с.
24. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. в 18 т. Т. 3. Москва : Наука, 1987. 702 с.
25. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма в 18 т. Т. 11. Москва : Наука, 1999. 608 с.
26. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма в 18 т. Т. 14. Москва : Наука, 2003. 424 с.
27. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 2. Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1948. 656 с.
28. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 3. Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1948а. 695 с.
29. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 5. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1949. 593 с.
30. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 11. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1952. 727 с.
- I. E. Zadorozhnyuk, Je. G. Zadorozhnyuk // Social'nye tehnologii, issledovanija. 2022. № 2. S. 34–41.
6. Leskov N. S. Sobranie sochinenij v 11 t. = Collected works in 11 volumes. T. 10. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1958. 523 s.
7. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. = Complete works in 30 volumes. T. 1. Moskva : Terra – knizhnyj klub, 1996. 908 s.
8. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. = Complete works in 30 volumes. T. 3. Moskva : Terra – knizhnyj klub, 1996. 800 s.
9. Mazilov V. A. Razrabotka prakticheskoj psihologii: neponjatij i nedoocenennyj proekt K. D. Ushinskogo = Development of practical psychology: an incomprehensible and underestimated project of K. D. Ushinsky // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. № 3. S. 191–199.
10. Mazilov V. A. Velikij psiholog: K. D. Ushinskij kak metodolog psihologii = Great psychologist: K. D. Ushinsky as a methodologist of psychology // Psihologicheskij zhurnal. 2023. № 2. S. 116–127.
11. Mazilov V. A. Vek psihologii JaGPU im. K. D. Ushinskogo = Century of Psychology in YSPU named after K. D. Ushinsky / V. A. Mazilov, Ju. N. Slepko. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2023. 468 s.
12. Makovickij D. P. Jasnopoljanskije zapiski v chetyreh tomah = Yasnaya Polyana notes in four volumes. T. 2. Moskva : Nauka, 1979. 362 s.
13. Mendeleev D. I. Zavetnye mysli = Cherished thoughts. Moskva : Mysl', 1995. 416 s.
14. Pashkov K. A. Hrestomatija po istorii zubovračevanija i stomatologii = A textbook on the history of tooth healing and dentistry / K. A. Pashkov, A. V. Belolapotkova, K. A. Borisenko. Moskva : MGSMU, 2016. 420 s.
15. Pirogov N. I. Izbrannye pedagogičeskie sočinenija = Selected pedagogical writings. Moskva : Pedagogika. 1985. 493 s.
16. Pirogov N. I. Krymskaja vojna. Zapiski voennogo hirurga = Crimean War. Notes from a military surgeon. Moskva : Rodina, 2023. 336 s.
17. Russkaja filosofija = Russian philosophy. Jenciklopedija. Moskva : Algoritm ; Mir filosofii, 2022. 984 s.
18. Teбиев Б. К. На рубеже веков. Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России = At the turn of the century. Government policy in the field of education and the social and pedagogical movement in Russia. Moskva : Intellekt, 1996. 251 s.
19. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 t. = Complete works in 90 volumes 1928–1958. T. 8. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1936. 698 s.
20. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 t. = Complete works in 90 volumes 1928–1958. T. 17. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1936. 1317 s.
21. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 t. = Complete works in 90 volumes 1928–1958. T. 53. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1953. 991 s.

Reference list

1. Arhiv K. D. Ushinskogo = Archive of K. D. Ushinsky. T. 1. Moskva : Izd-vo Akademii pedagogičeskich nauk RSFSR, 1959. 480 s.
2. Brezhnev A. P. Pirogov = Pirogov. Moskva : Molodaja gvardija, 1990. 560 s.
3. Vitrišhjak V. I. Vklad N. I. Pirogova v razvitie čeljustno-licevoj hirurgii = Contribution of N. I. Pirogov to maxillofacial surgery development // Voennyj medik. 1982. Nojabr'. S. 64–65.
4. Zadorozhnyuk I. E. Postojanstvo postepenovstva ili paroksizmy revoljucionarizma = The constancy of gradualism or paroxysm of revolutionary // Voprosy filosofii. 2010. № 6. S. 89–103.
5. Zadorozhnyuk I. E. Social'nye megatehnologii v osvешhenii russkich pisatelej (K 190-letiju so dnja rozhdenija i 125-letija so dnja smerti N. S. Leskova) = Social megatechnology in the coverage of Russian writers (Dedicated to the 190-th anniversary of the birth and 125-th anniversary of the death of N. S. Leskov) /

22. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 t. = Complete works in 90 volumes 1928–1958. T. 62. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1953. 554 s.
23. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Sochinenija v 12 t. = Complete works and letters. Writings in 12 volumes. T. 9. Moskva : Nauka, 1982. 576 s.
24. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Pis'ma. v 18 t. = Complete works and letters. Writings in 18 volumes. T. 3. Moskva : Nauka, 1987. 702 s.
25. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Pis'ma v 18 t. = Complete works and letters. Writings in 18 volumes. T. 11. Moskva : Nauka, 1999. 608 s.
26. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Pis'ma v 18 t. = Complete works and letters. Writings in 18 volumes. T. 14. Moskva : Nauka, 2003. 424 s.
27. Ushinskij K. D. Sochinenija = Compositions. T. 2. Moskva ; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1948. 656 s.
28. Ushinskij K. D. Sochinenija = Compositions. T. 3. Moskva ; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1948. 695 s.
29. Ushinskij K. D. Sochinenija = Compositions. T. 5. Moskva ; Leningrad : Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1949. 593 s.
30. Ushinskij K. D. Sochinenija = Compositions. T. 11. Moskva ; Leningrad : Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1952. 727 s.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 28.03.2024.

The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 28.03.2024.